

Любой предмет, любой персонаж — «исторические». «Объекты» говорят тогда, когда есть общественный запрос. Экскурсионный объект с помощью экскурсовода вступает в акт коммуникации.

Множественность объекта выражается в множественности субъективных взглядов, оценок и действий и эти взгляды, оценки и действия всех субъектов экскурсии становятся конституирующим объективным элементом самой экскурсионной деятельности.

Экскурсионный объект позволяет накапливать, сохранять, удалять и заменять инварианты, которые были извлечены наблюдателем, по крайней мере, некоторые из них. Экскурсионные объекты сродни письменным текстам в том плане, что на них может смотреть несколько раз один человек или одновременно несколько. Они обеспечивают некое подобие общения между теми, кто видел их первыми, и теми, кому еще это предстоит, включая будущие поколения. И, одновременно, обладая неким постоянством, экскурсионные объекты не обладают стабильностью. К. Линч отмечал: «Все воспринимается не само по себе, а в отношении к окружению, к связанным с ним цепочкам событий, к памяти о прежнем опыте» (2). В оппознании и упорядочении восприятия окружения участвуют множество ощущений: визуальные ощущения света, формы, движения или поляризации света, равно как и обоняние, слух, осязание, кинестетика, чувство тяжести и, возможно, электрических и магнитных полей. У каждого есть свои ассоциации и этот персональный образ пронизан воспоминаниями и значениями.

Итак, экскурсионные объекты — это материализованная историческая память социума. Экскурсионные объекты являются носителями универсалий той или иной культуры и выделяются субъектом в качестве символа какой-либо стороны человеческого бытия.

1. Емельянов Б. В. Экскурсоведение. М., 2001. С. 45.

2. Линч К. Образ города. М., 1982. С. 15.

Т. Ю. Быстрова
Екатеринбург

КУЛЬТУРА ГОРОДОВ КАК ПРЕДПОСЫЛКА И УСЛОВИЕ ПРОЕКТНОГО МЫШЛЕНИЯ В ДИЗАЙНЕ И АРХИТЕКТУРЕ

Проект это разработанный план сооружения, устройства чего-либо; предварительный текст какого-нибудь документа; замысел,

план. Проекты могут быть социальными, религиозными, художественными и т. п., то есть возникать во всех видах духовной деятельности человека. Для дизайн-проекта непременным условием является реализованность, иначе он не выполняет свои функции реальной гармонизации предметно-пространственной среды. Задуматься о новом, адресованном Другому, можно только в условиях: а) недостаточности старых форм, б) осознания собственной отдельности и индивидуальности, в) осознании потребностей другого человека, требующем временного абстрагирования от себя. В свою очередь, неудовлетворенность наличными формами — это результат их оценки, их выбора или не-выбора в той или иной ситуации.

На наш взгляд, проектное мышление не выделяется в особое качество до тех пор, пока человек существует как часть природы. *Цикличность* природного существования гарантирует воспроизведение практических действий и предметов, которые их обслуживают. За сотни или тысячи лет происходит последовательное и, в значительной мере, спонтанное «вычищение» формы. После этого нужда в ее совершенствовании отпадает. Городская жизнь с самых ранних времен сопряжена с гораздо большей *динамикой*, становящейся возможной благодаря отрыву от природы, появлению собственно городских ритмов и циклов. Такой отрыв представляет собой подлинную революцию в культуре и мышлении.

Например, город огораживается толстыми стенами, вовсе не всегда предназначенными для военных целей. Насыпная земляная стена, укрепленная внизу деревом и камнями, играет роль *черты*, отделяющей от природы. *Плеть* славянских поселений оплетает и *огораживает*, подобно *косу* или *поясу*, не являясь непреодолимым препятствием. Волосы или нити не заплетутся в косу, и потому плетение маркирует культурные продукты. Оплетание пространства города, как и появление частокола, свидетельствует о той же *границе*. Можно упомянуть уральские города-заводы, обладающие уникальной градостроительной и смысловой структурой. В них роль границы играют сами горы, между которых создается обязательный пруд и строится завод. Смыслоразножизненная связь с землей, необходимая охотнику или аграрию, здесь отступает на второй план. Гора, вода, земля становятся *средством* выделения собственного пространства, переставая быть самоценными. Так город формирует *прагматизм* в отношении того, что для традиционного сознания выступает божеством.

Тем не менее, городу важно его место в космосе, может быть, даже более важно, чем жилищу охотника или кочевника. Фикси-

рованное местонахождение связано с определением координат относительно Солнца и звезд (в северном полушарии — Полярной звезды), а также воды, поскольку структура города, даже самого маленького, воспроизводит модель мироздания. Стоять на воде, за горой, под звездой — значит, гарантировать благосостояние и процветание. Другая сторона жизни города, конечно, связана с населяющими его людьми, для которых город выступает еще и как некое тело, в чем-то продолжающее их собственное. Особенности переживания тела накладываются на градостроительные принципы.

В культуре поздней первобытности и эпохи ранних цивилизаций можно зафиксировать существование двух несводимых друг к другу представлений-переживаний тела, накладывающих отпечаток и на современные оценки, реакции, ощущения, но выраженных тогда более отчетливо, и на структуру предметного мира, создаваемого человеком.

Один вариант возникает и сохраняется во всех случаях совместного существования человека и окружающего мира: в патриархально-деревенской культуре, при образе жизни, зависящем от круговорота времен года, у земледельцев, охотников — но не ремесленников или воинов. В ряде случаев границы тела отождествляются с землей в целом, по крайней мере, до линии горизонта. Понятно, что организм города — например, как посредника между натурой и культурой, — не является необходимостью. Даже когда город возникает, его качества не являются вполне «городскими».

Здесь в качестве желаемых постулируются только предельно всеобщие эстетические характеристики, а самое важное заключается в том, что тело дано, наличествует, существует. Этого достаточно для переживания: тело есть, и оно есть *живое* тело. Оно живет и дышит, притом дыхание всегда связано с целой гаммой запахов, как бы тождественных жизни. Тело всегда подвижно, динамично, а большинство эстетических характеристик призваны подчеркнуть выход внутренней энергии вовне.

Второе представление восходит к Египту, продолжается в античности, Возрождении и в упрощенном виде воспроизводится в современной американской традиции. Оно связано с видением тела как структуры, точнее сказать, стремлением к проникновению внутрь, но не буквальному, а умозрительному. Оценка себя требует не только вчувствования, но и суждения. Тело не столько переживается, сколько мыслится; мысль предшествует переживанию, ведь люди чаще всего обращают внимание на то, что хотят увидеть, услышать и т. п. Обратной стороной осмысляющего переживания является тема неотвратимости возрастных изменений, которым

может препятствовать искусство «превращения старухи в молодую». Существование тела мыслится как противодействие времени, остановка.

В качестве когнитивной предпосылки проектности в архитектуре и дизайне выступает абстрактное мышление, формирующее определенную модель, т. е. идеальное представление о теле. В качестве психосоматической предпосылки — осознание отдельности и неповторимости тела, хотя бы и в связи с идеалом и не в пользу реальности. В качестве ментальной предпосылки — неудовлетворенность текущим (и текущим) состоянием тела, которое является следствием его природности, и желание достичь иного, невозможного в природе, состояния.

Вдобавок, как место ремесленной и торговой деятельности, город активизирует процессы общения, является «рынком информации» (В. Глазычев). Жизнь в природе, вплоть до стадии натурального хозяйства, предполагает возможность самообеспечения. Ремесленнику и купцу нужен обмен. Обмен требует *открытости*. Даже если собеседник несимпатичен или слишком непохож, это не устраняет необходимости в его товаре, его вещи. Значит, для достижения результата приходится быть толерантным, усваивать новые ценности и коды. Однако обратной стороной открытости является возможность и необходимость *выбора*, индивидуально для данного отдельного человека. И *ответственности* за выбор.

Природное бытие человека обслуживается мифом и ритуалом, усвоения которых извне вполне достаточно для обеспечения жизнедеятельности рода. Нарушитель табу не зря изгоняется за пределы своего сообщества, ведь он посягает на вечный распорядок вещей. Ритуал как внешнее предписание не ставит себя под вопрос. Саморефлексия происходит только по поводу, насколько точно воспроизводятся ритуально-мифологические действия, но ни в коем случае не касается оценки их правильности или актуальности. Рынок или площадь порождают коллизии и дилеммы, которые не объясняются мифом. Человеку необходимо размышлять, *рассуждать* (полшага до философии), в ходе этого размышления лучше осознавать себя и свои индивидуальные интересы и думать о том, где и как их можно воплотить (полшага до проектного мышления).

Кстати сказать, ему нельзя запретить делать этого, ведь его статус в городе — статус свободного человека, бюргера, свободного гражданина. Как место перехода из несвободного состояния в свободное (М. Вебер), город обеспечивает правовое равенство

свободных граждан, повышая степень самостоятельности мышления. Догмы мифа не приведут к новому, войдя с ним в жестокую, может быть, даже трагичную схватку. Модель мышления и поведения свободного человека с самых ранних времен, по крайней мере, не запрещает новое. Правда, в городе есть Храм, посвященный новым богам, выступающим хранителями его стабильности. Но с какого-то времени эти боги начнут меняться с невероятной для прошлого быстротой.

Гибкости мышления и глубине самооценки горожанина способствует и появление индивидуального пространства. При всей густонаселенности в городе есть место для *приватной* жизни. Стены стоящих рядом домов не прорезываются дверью или окном, а отделяют одну жилую ячейку от другой. Окна выходят во двор. Появляются отдельные бассейны и туалеты. Еще значимее в свете сказанного — индивидуальный путь. Точнее, множественность путей, предлагаемых перекрестком или ярусным расположением домов. Сегодня можно пойти так, а завтра — иначе, табуированных маршрутов нет. Городу как центру мира, центру космоса, конечно, необходимо максимально точное положение под солнцем. Зато внутри городских стен свободно перемещаются жители и гости. Выбор пути осязаем и каждодневен, и это тоже способствует формированию навыков прогнозирования, моделирования, подсчитывания, важных для проектного мышления.

Сопровождается ли развитие проектности непременно возникновением письменности? Связаны ли они друг с другом? По крайней мере, не непосредственно. Более того, смысловая и информационная «плотность» проекта будет выше в условиях бесписьменной культуры. Чем свободнее совершает выбор человек, тем острее встает проблема стабильности существования. Каждая вещь, как и сам город, становятся гомогенны космосу. Их формы ответственны за общемировую гармонию. Тогда как письменное дублирование информации до определенной степени «развязывает» руки. Зато оно способствует развитию абстрактного мышления и правополушарной деятельности по конструированию концептов, тоже необходимой во всех видах предметного проектирования.

В целом, проектное предметное мышление формируется исторически раньше дизайна, причем значительно раньше. Оно локально и в эпоху ранних цивилизаций концентрируется в культуре городов, являясь ее продуктом. Позже обстоятельства большинства регионов таковы, что в них господствуют первый тип мышления о теле и, соответственно, консервативно-репродуктивные способы производства вещей: ремесла, промыслы, ручное изготовле-

ние. Лишь в первой трети XIX в. возникают социокультурные и экономические предпосылки для полноценной реализации проектного мышления в дизайне.

Н. В. Гарбуз
Екатеринбург

ИМИДЖ КАК СРЕДСТВО МАНИПУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫМ МНЕНИЕМ

Значение имиджа в наше время резко возросло, т. к. он является естественным продуктом обработки больших массивов информации.

А как же раньше происходило подключение к общественным ценностям? О. Мандельштам предлагает следующую гипотезу — через роман: «Происходило массовое самопознание современников, глядевших в зеркало романа, и массовое подражание, приспособление современников к типическим образам романа. Роман был эпидемией, общественной модой, школой и религией». Затем эта функция переходит к кино, действительно, самому массовому из искусств. Сегодня этим ретранслятором социальных ценностей становится телевидение. (3, с. 279-280).

Характерная черта современного общества — это активное развитие средств массовой коммуникации и вследствие этого расширение картин мира. Мы не только знаем о событиях, которые происходят за тысячи миль, но и учитываем их, принимая свои решения. А это значит, что те, кто контролирует каналы коммуникации, имеют возможность повлиять на наше мнение, наш выбор. К сожалению, нередко данные манипуляции с нашими мнениями происходят отнюдь не для нашего блага. Потому так важно понимание степени и характера влияния манипуляторских воздействий на формирование общественного мнения, без соответствующей поддержки которого сегодня любое масштабное общественно-значимое действие не может быть долговременно успешным. Между тем создание необходимого имиджа является одним из часто используемых средств манипулирования общественным мнением.

В отечественной науке неоднократно предпринимались попытки по определению сущности имиджа и формулированию предмета имиджологии. На сегодняшний день существуют более двадцати подходов к изучению и формированию имиджа (Е. Б. Перельгина, А. Ю. Панасюк, А. Б. Зверинцев, В. М. Шепель, В. И. Дерюгин, И. А. Федоров, Г. Г. Почепцов, С. Е. Ананьева, Е. А. Петро-